

Приход марта принес с собой солнечный свет и немного развеселил обитателей вечно холодного замка. Яркая весенняя погода облегчала прогулку по саду, и никто не воспользовался этим больше, чем Гарри и Гермиона. Общая комната Гриффиндора чаще всего становилась для них невыносимой для отдыха, и в основном это было связано с тем, что известие об их отношениях стало достоянием общественности. Большинство членов дома были к ним равнодушны, так как это было обычным явлением, даже если это было между Гарри Поттером, «Мальчиком-Который-Выжил» и Гермионой Грейнджер, самой умной ведьмой своего возраста. Нет, отношения Гарри и Гермионы были восприняты без особой суеты и даже интереса, но причиной их беспокойства в общей гостиной были два человека, которых они считали близкими друзьями, даже семьей.

«Я действительно не понимаю, как вы можете быть уверены, что то, что у вас есть сейчас, продлится всю жизнь? Откуда вы знаете?» Рон действительно не мог смириться с тем, что он ходит по пятам за парой.

Гарри тяжело вздохнул от нетерпения и посмотрел на Гермиону, у которой был раздраженный взгляд; она не была так готова принять Рона обратно как друга после ссоры, которая у них была на Рождество. Даже Гарри не был так приветлив к своему первому другу, но в то же время не хотел полностью оттеснить его на второй план. Однако его приоритеты значительно изменились, и это было оскорбительно для Рона. Гарри больше не хотелось дурачиться, и все свободное время он тратил на повторение уроков дня или изучение арифмантики и древних рун с Гермионой. У них было искушение использовать для этого маховик времени, но Гермиона была непреклонна в том, чтобы не огорчать их главу дома.

Гермиона отказалась отвечать, и поэтому Гарри попытался: «Рон, мы, то есть Гермиона и я, очень глубоко понимаем друг друга. Мы знаем, что уважаем друг друга, и это очень хорошая основа для нашей симпатии. влюбился, — резонно добавил он.

Рон с трудом сдерживал презрение: «... но ты не споришь с ней, ты не проявляешь к ней никаких сильных эмоций, как я. Даже Джинни говорит, что мы с Гермионой спорим, как старые супружеские пары, как мои мама и папа . . .»

Гермиона так разозлилась, что даже не попыталась исправить грамматические ошибки Рона, как обычно. Даже тогда она едва сдерживала себя, чтобы не взорваться и не устроить сцену на виду почти у всех, как у студентов, так и у сотрудников. "Рон!" она чуть не прорычала это имя, «...кто бы ни сказал тебе, что ссоры являются основой для крепких и здоровых отношений, у него были не самые лучшие намерения...»

Она собиралась продолжить, но рыжеволосая грубо прервала ее: «...но моя мама почти всегда кричит на моего папу, а ты всегда кричишь на меня». Его голос был почти раздраженным, но для Гарри и Гермионы это откровение было шоком. Непреднамеренные слова Рона дали им новое понимание того, почему мистер Уизли выглядел как заклеванный муж, который всегда удалялся в сарай, полный несущественных безделушек. Это было потому, что он действительно был мужем-наседкой.

Гермиона выглядела ошеломленной при мысли о доме, где не было доверия или открытого

диалога для разрешения каких-либо разногласий, а только конфронтация. У нее был яркий пример того, как работают любовные отношения, в отношениях ее собственных родителей, и она всегда желала таких отношений. Теперь, столкнувшись с кем-то, кто рассматривал ее как спутницу жизни, основываясь только на образах своих родителей, спорящих из-за мелочей, это внезапно смутило ее чувства. Она не могла просто выйти и сказать, что родители Рона не подают хороший пример, и довольствоваться тем, что «Рон, да, многие супружеские пары ссорятся, но я не ссорюсь с тобой, я спорю с тобой и что к тому же из-за того, в чем, как я знаю, ты был не прав».

— ...Но... а как же Джинни? Ей всегда говорили, что она выйдет замуж за Гарри, когда он вырастет. Она мечтает о свадьбе с тех пор, как была маленькой, — заскулил Рон, — ... ты..."

— Что ты имеешь в виду? Гарри ошетинился. «Это не соревнование или что-то в этом роде, я с Гермионой и буду продолжать это делать. Когда-нибудь мы поженимся, и никто больше ничего не может сделать...»

Гермиона тоже была в ярости: «Как твои мама и Джинни могут решить, что Гарри предназначен для Джинни? Они даже не встретились с ним. Если ты не заметил, Джинни никогда не разговаривает с Гарри, она просто издает писк и либо прячет лицо или убегает...»

Рон никак не мог осознать, что поведение его родителей было не совсем здоровым, или что его мать была слишком властной. Он отказывался верить, что его мать просто подталкивала Джинни к браку с практически неизвестным фактором, которым в то время был Гарри. Теперь, когда Гарри действительно оказался очень хорошим парнем, собственное увлечение Джинни возросло; Рону всегда напоминали, что Гарри должен жениться на Джинни, а для этого ему нужно заполучить себе Гермиону. Ему всегда было неудобно в присутствии интеллигентной девушки, поэтому его споры с ней чаще были жаркими, чем нет. Он всегда считал, что Гермиона спорила с ним так же, как его мать спорила с его отцом, и поэтому для него естественным выводом было то, что он останется с Гермионой. Теперь, когда ему недвусмысленно сказали, что Гермиона спорит с ним из гнева, а не из любви, Рон потерялся. Ему нужно было время, чтобы понять, он хотел понять, и когда Гарри и Гермиона рассказали ему о своей встрече с профессором МакГонагалл, на которую они собираются, Рон сам попросился на это.

Трио подошло к кабинету заместителя директора и, когда им предложили войти, с удивлением обнаружило профессора Защиты от темных искусств Ремуса Люпина, сидящего по другую сторону стола профессора МакГонагалл.

— Ах! Хар... — начала профессор МакГонагалл, но, увидев присутствие Рона, перешла к более официальному обращению, — у мистера Поттера и мисс Грейнджер личная встреча со мной, мистер Уизли. Я не думаю, что ваше присутствие будет нежелательным. им удобно».

Уши Рона начали краснеть, что ясно указывало на его смущение как из-за выговора, так и из-за причины, по которой он вмешался в разговор. Гарри сжалился над своим другом, который, по сути, был хорошим, но имел некоторые укоренившиеся привычки и мысли, которые не всегда должны были соответствовать тому, что было хорошим; он не собирался его защищать,

но в то же время не хотел конфронтации. Откашлявшись и бросив на Гермиону предостерегающий взгляд, глава дома ответил: — Мы согласились с необходимостью Рона присутствовать на этой встрече, чтобы он действительно мог понять мои отношения с Гермионой. Криво усмехнувшись, он закончил: «...у него все еще складывается впечатление, что у мальчика и девочки не может быть более глубокого понимания, чем простая дружба, которая не обязательно заканчивается ссорами».

Губы обычно сурового профессора еще больше сжались, когда он намекнул, что самый молодой мужчина Уизли все еще ребенок даже в своем тринадцатилетнем теле. Теперь она действительно могла понять пропасть между ним и парой рядом с ним, просто основываясь на их эмоциональной зрелости, и поэтому собиралась согласиться на просьбу. Прежде чем она успела пригласить их сесть, они все были отвлечены полосами оранжевого пятна, бросившегося на Рона через открытую дверь.

"Кривошейки!" — закричала Гермиона, потрясенная вопиющим пренебрежением к уважению перед главой дома. Она знала, что ее полукнизна был приличным поведением, и мысль о том, что Косолапус будет выброшен из ее спальни профессором МакГонагалл только из-за его низменных инстинктов напасть на крысу, была удручающей.

Крыса в кармане Рона взяла дело в свои руки и тут же запрыгнула на стол профессора с намерением удрать от решительного полукнизна на свободу через приоткрытую дверь. Однако, прежде чем кто-либо еще успел среагировать, будь то в защиту крысы или чтобы сдержать явно раздраженных Живоглотов, профессор Люпин издал горловой рык, который успокоил даже убегающую крысу. Всего одно слово: "Хвост!" вылетело из его уст, но это слово было полно презрения и едва сдерживаемой ярости.

Этот крик больше, чем что-либо другое, побудил замороженную крысу предпринять новую попытку освободиться, но профессор DADA справился с задачей и быстро активировал заклинание, чтобы закрыть и запереть дверь. Оглянувшись в окно, крыса, именуемая Червехвостом, увидела, что ее усердно охраняет оранжевый мохнатый комок. Не имея другого выхода, кроме как предпринять упреждающие действия, если он хотел выжить, Червехвост побудил к действию, и последующие события были слишком быстрыми, чтобы их можно было правильно различить невооруженным глазом.

Гарри стоял посреди маленькой комнаты с Гермионой и Роном по бокам. Он превратился в немного и застывшего наблюдателя, поскольку события начали происходить в быстром темпе, за которым было слишком трудно следить. Он не смог сдержать испуганный крик, вырвавшийся из него, когда увидел, как крыса Рона на его глазах превращается в сутулого человека с почти полностью лишенной волос головой. Самым удивительным было то, что еще до того, как превращение в человека было завершено, человек размахивал спрятанной палочкой и стрелял в него проклятием «*reducto*», прежде чем быстро повернуться и выбить запертую дверь.

И профессора МакГонагалл, и Люпин могли только с ужасом наблюдать, как проклятие обрушилось на Гарри и его друзей. Поскольку Червехвост расположился по другую сторону от трех студентов, два профессора ничего не могли сделать, чтобы их собственные проклятия не ударили по трем подросткам. Пока Рон в шоке прирос к полу, Гарри вышел из ступора и

двигался за счет своих острых рефлексов, отточенных квиддичем. Он не мог двигаться в свою сторону, так как его чуть не прижали к месту его друзья, но в то же время он также не хотел двигаться к Гермионе, опасаясь навлечь на нее какие-либо дальнейшие проклятия. Гарри сделал самое разумное, что мог, и просто упал на землю, но, к несчастью для него, Гермиона тоже почувствовала опасность, в которой он оказался, и встала перед ним, инстинктивно предлагая себя в качестве щита.

Со сдавленным криком «Гермиона!» Гарри попытался стащить ее вниз, но ему удалось схватить ее почти в тот же момент, когда проклятие коснулось ее, прямо в середине ее груди. Инерции его падения было достаточно, чтобы она оказалась в его объятиях, как только он упал на пол.

Опасности, представляемой Гермионе, было достаточно, чтобы отвлечь внимание обитателей комнаты и дать Хвосту время превратиться обратно в свою анимагическую форму и выбежать через расколотую дверь. Профессора МакГонагалл и Люпин вместе с Роном вздохнули с облегчением, увидев, что и Гарри, и Гермиона могут двигаться, даже несмотря на то, что им явно было больно, но прежде чем они смогли убедиться в том, что им удалось избежать почти смертельного проклятия, прозвучал пронзительный звук. Крик вырвался из объятий обоих подростков, за которым сразу же последовала ударная волна. Раздалось сопровождающее «пхут», которое звучало так, как если бы автомобиль выстрелил назад, только приглушенный, и брызги мелких серых частиц исходили между их телами.

Наблюдатели могли только смотреть в прикованном ужасе, как туман из мелких серых частиц окружил двух подростков и начал оседать на них и покрывать их. Медленно, но верно туман рассеивался, но не из-за того, что он удалялся от их тел, а из-за того, что медленно проникал в Гарри и Гермиону.

Как только все частицы, которые только профессор МакГонагалл с тревогой осознала как пыль от хронометража, одолженного Гермионе, исчезли в бессознательных подростках, все еще заключенных в объятия, профессор бросилась вперед, накладывая несколько известных ей диагностических чар. Между тем, профессор Люпин выстрелил патронусом посыльного как надзирательнице больничного крыла, так и директору, вызывая их в кабинет, в котором они находились.

Исчерпав репертуар известных ей диагностических заклинаний, профессор МакГонагалл неуверенно встала на ноги и выдохнула, затаив дыхание. Устало вытерев лоб, она заметила, обращаясь к комнате в целом: «Ну, они оба живы и настолько же живы, насколько я могу видеть, в добром здравии. Единственное, что меня беспокоит, это то, что их магия сильно истощена, и поэтому я думаю, что они без сознания».

Как только слова слетели с ее губ, их потревожила вспышка каминной связи в офисе, и мадам Помфри вышла из камина, а за ней последовал профессор Дамблдор. Увидев двух лежащих на земле подростков, целитель вздохнул и начал двигаться к ним, но остановился на полпути, когда все тело Гарри начало светиться золотым, и оно начало медленно проникать в тело Гермионы под ним. Свечение было рассеянным и покрывало все их тела, как будто они были охвачены светом. Однако вскоре после этого наблюдатели были потрясены, когда из шрама Гарри начало выходить уродливое пурпурное вещество, похожее на туман, и начало подавлять

золотое сияние Гарри и Гермионы.

Все обратились к мадам Помфри за разъяснениями, но именно директор сдавленным голосом призвал Гарри: «Давай, мой мальчик! в опасности.»

Несмотря на то, что Гарри был не в том состоянии, чтобы слышать мольбы директора школы, в воздухе, окружавшем двух подростков, произошли заметные изменения. Казалось, золотое сияние, в котором все было хорошо и излучало чувство удовлетворения, вступило в отчаянную борьбу с лиловым туманом, который угрожал завладеть свободной волей Гарри; и казалось, что чернота побеждает.

Прежде чем они успели собраться с мыслями даже для того, чтобы понять, что происходит, Гермиона шевельнулась, словно марионетка в бессознательном состоянии, и крепко прижалась головой к груди Гарри, а обеими руками обхватила его щеки, словно напоминая ему о своем присутствии. его сторона. Импульса, предложенного его любовью, было достаточно, чтобы омолодить подсознание Гарри и его волю бороться за свою жизнь и душу. Золотое сияние, окружавшее их, запульсировало с новой энергией, и это вызвало пронзительный крик ужаса из лилового тумана, который начал смутно принимать форму искаженной человеческой головы. Выражение ужаса на пятерых наблюдателях сменилось облегчением, когда пурпурный туман, наконец, рассеялся в воздухе под натиском золотого сияния, равномерно опустившегося на Гарри и Гермиону, как теплое одеяло.

Мадам Помфри попыталась просканировать их жизненные показатели, но не смогла получить от них никаких показаний. «Я думаю, нам нужно подождать некоторое время, пока их магические ядра перезарядятся и успокоятся, чтобы получить от них какую-либо информацию. Сейчас они без сознания, но вполне живы». Профессора Дамблдор, МакГонагалл и Люпин вздохнули с облегчением, услышав это заявление, но Рон был совершенно потрясен случившимся; он понял, что Гарри и Гермиона чуть не погибли, и хотя он не знал личности человека, который жил как его домашняя крыса Струп, Рон был уверен, что он мог быть только пожирателем смерти. Это послужило для него очень большим тревожным звонком; он решил пересмотреть все, что произошло после того, как крыса стала жить в их доме как домашнее животное сначала с Перси, а затем с ним. Он должен был расставить приоритеты, чтобы помочь Гарри и Гермионе с этой новой проблемой в их жизни, потому что он помог бы им. Сначала ему пришлось написать письмо отцу, в котором подробно объяснить произошедшие события и попросить его совета, как лучше всего извиниться за грубое поведение перед лучшими друзьями.

Профессор Люпин взял на себя ответственность сопроводить Рона в башню Гриффиндора, прежде чем вместе с верными Живоглотами Гермионы прочесать замок в поисках сбежавшего крысиного анимага, в то время как МакГонагалл сопровождала мадам Помфри в перемещении Гарри и Гермионы в больничное крыло. Это дало Дамблдору время, чтобы собраться с мыслями и понять, что означает фиолетовый туман, выходящий из знаменитого шрама Гарри.

Стоящий у окна в кабинете профессора трансфигурации со сцепленными за спиной руками директор школы Дамблдор, признанный величайшим волшебником после Мерлина, чувствовал себя в данный момент не так уж хорошо. На самом деле он боялся, боялся за жизни Гарри Поттера и Гермионы Грейнджер, чьи жизни, если не раньше, теперь необъяснимым образом

соединились. Дамблдор понял, что золотое сияние, исходившее от двух подростков, означало формирование душевной связи. Это было счастливым событием для Дамблдора, но что смущало, так это случайное попадание пыли от маховика времени. Объяснение МакГонагалл было недвусмысленным, и хотя Гарри и Гермиона все еще были в объятиях, что делало невозможным изучение маховика времени, у него не было сомнений в происхождении тонкого серого тумана. Никогда за свои сто двадцать лет Дамблдор ничего не слышал о таком событии, как то, что произошло всего несколько минут назад. Насколько он мог вспомнить, не было ничего о том, чтобы какая-нибудь ведьма или волшебник соприкасались с таким могущественным магическим предметом, и это само по себе вызывало беспокойство. Да, Дамблдор боялся, боялся за жизнь волшебника, который когда-нибудь мог занять его место в качестве самого могущественного волшебника после Мерлина, и за ведьму, которая уже была известна как та, что превзошла по интеллекту даже Ровену Рейвенкло.

Дамблдор не понимал, что вызвало ударную волну, которая чуть не обрушила весь замок, но он горячо надеялся, что это не причинит долговременного вреда двум подросткам. Это добавило бы еще один неизвестный фактор к присутствию Пыли Времени в их телах. Бурные мысли грозили вызвать ослепляющую головную боль у почтенного волшебника, но он был далек от понимания того, что могло произойти и каковы могут быть последствия для двух подростков.

Это определенно было хорошо, что часть души Волдеморта, заключенная внутри Гарри, каким-то образом была удалена, но в то же время это означало, что Дамблдор с чистой совестью не мог заставить Гарри противостоять темному лорду. Пророчество предсказывало, что именно Гарри сможет наконец победить Волдеморта, а присутствие частички души означало, что конфронтация неизбежна, но теперь Гарри был свободен от порчи. Дамблдор был тем, кто стоял ногой в могиле и имел боевой опыт, а не Гарри, который даже не начал получать удовольствие от своей жизни. Дамблдор видел достаточно горя в своей очень долгой жизни, и он не мог переложить бремя лишения жизни на плечи молодого человека. Он даже представить себе не мог, что будет, если Гарри лишится жизни, такая альтернатива была неприемлема для директора.

В конце концов Дамблдор убедил себя, что он должен чувствовать облегчение от того, что крестраж внутри Гарри был удален с минимальными трудностями и что Гарри не придется столкнуться с Лордом Волан-де-Мортом. Приняв это решение, он решил отправиться в дом Грейнджеров в Кроули и сопроводить их в больничное крыло, чтобы они могли быть со своей дочерью. Однако мало ли он знал, что все станет ужасно, как только он вернется с ними.

Общая сила, которую он не знает

Дэниел Грейнджер все еще был в шоке; Прошло немногим больше двух дней с тех пор, как его и его жену привезли в больничное крыло Хогвартса, два дня, как его дочь находилась в состоянии комы, заключенная в объятия со своим лучшим другом Гарри Поттером. Он знал, что они воспитали свою дочь очень добросовестной девочкой, и из-за этого она почти всегда была одна, будучи умной девочкой, которая любила читать больше, чем играть в куклы, также увеличила ее дистанцию от других девочек ее возраста, будь то ее собственная двоюродные братья или школьные товарищи. Несмотря на то, что у них были сомнения по поводу того, что она ведьма,

Гарри Поттер! Именно это имя принесло счастье Дэну Грейнджеру по той простой причине, что мальчик почувствовал истинную ценность своей дочери и полюбил ее такой, какая она есть. Однако это было не все розы, поскольку волшебный мир был полон острых замечаний и оскорбительного фанатизма, а также увеличенных опасностей, связанных с магией. В то время как Гермиона получала свою долю оскорблений не только от тех, кто ее не любил, но и от тех, кого она называла друзьями, ее письма были полны одного имени, которое всегда упоминалось с любовью, а иногда и с благодарностью за то, что он сделал ее жизнь счастливой. Гарри Поттер бросился навстречу опасности, чтобы спасти свою маленькую девочку, и принял на себя всю тяжесть оскорблений, адресованных ему за то, что он подружился с Гермионой, но стойко оставался на ее стороне. Если это не вызвало у него симпатии к молодому человеку, то известие о том, что он Гермиона, Ее бойфренд много сделал для того, чтобы Гермиона была счастлива, а значит, и он сам. Он всегда чувствовал, что его жена Эмма была лучшим другом, который у него мог быть, и она действительно была его доверенным лицом и партнером на протяжении большей части его жизни. Он действительно чувствовал, что его дочь была благословлена тем, что кто-то вроде Гарри разделил с ней ее счастье и проблемы, как и он с Эммой.

Как только золотое сияние вокруг Гарри и Гермионы утихло, через два дня после инцидента, мадам Помфри мгновенно оказалась у их постели, накладывая диагностические чары. Через шесть часов и еще одно сканирование она, наконец, смиренно вздохнула, чтобы окончательно подтвердить, что Гарри и Гермиона действительно потеряли свои магические ядра. Даже Дамблдор применил несколько непонятных чар, чтобы проверить, могут ли их тела удерживать какую-либо магию.

- Боюсь, что магического ядра действительно нет, - устало вздохнул Дамблдор.

Мадам Помфри знала о чарах, наложенных директором, но была заинтригована результатами: «Альбус, я заметила, что чары накапливают в их телах избыточную магическую энергию. уверены, что то, что вы видели, не является результатом распространения в них магии?»

Дамблдор выглядел задумчивым, но затем наложил еще один набор чар, но на этот раз начал объяснять результаты во время их накладывания: «Как вы можете видеть, у мистера и миссис Грейнджер нет свечения, которое показывает, что в них нет магии в ответ на заклинание. мой тест, но в то же время в воздухе вокруг них значительно больше магии».

«Это может быть связано с магией замка», — прервала ее профессор МакГонагалл.

— Именно так, моя дорогая племянница, — снисходительно улыбнулся ей директор, прежде чем продолжить, — ...в то же время результаты сканирования Гарри и Гермионы указывают на несколько большее содержание магии в их телах, правда. Увы, я считаю, что это просто остаточная магия из-за взрывающихся ядер, и она будет полностью потеряна через несколько дней...»

— Что ты имеешь в виду под взрывом? Эмма чуть не завизжала от страха.

Профессор МакГонагал взглянула на нее с болью: «Когда проклятие поразило Гермиону, мы все почувствовали ударную волну, исходящую от Гарри и Гермионы. Я боюсь, что это были их магические ядра, подвергшиеся самопроизвольному разряду. Мы не смогли определить, что вызвало этот взрыв. но присутствие очень мощного магического артефакта в тесном контакте с Гермионой и на пути проклятия могло спровоцировать этот взрыв».

Несмотря на то, что Дэн и Эмма расспрашивали о магическом артефакте, который предположительно был задействован, трое волшебников посчитали, что это следует оставить в секрете, и сказали им об этом. Родители Грейнджер протестовали, но неохотно признали, что они в любом случае не поняли бы значения, но также проклинали Статут о секретности за то, что он не позволил им узнать все подробности.

Теперь, сидя рядом с кроватью, на которой лежала бессознательная Гермиона, Дэн колебался между чрезвычайной гордостью и чрезвычайной тревогой. Он все еще не мог осознать тот факт, что его дочь потеряла свою магию вместе с мальчиком, заключенным с ней в объятия. Он гордился тем, что робкая Гермиона Грейнджер бросилась перед проклятием, которое должно было если не убить, то серьезно покалечить ее бойфренда. Это было свидетельством силы ее преданности черноволосому подростку, и он должен был, по крайней мере неохотно, признать ее любовь. Дэн не хотел верить, что Гермиона любит своего лучшего друга, но Эмма уговорила его и прочитала ему письма, которые намекали на растущую привязанность. Этот инцидент окончательно убедил его в том, что его дочь была влюблена в Гарри Поттера.

Как только он смог утешить себя по поводу потери дочери молодым человеком, ему сказали, что он обретает зятя благодаря магии древней, как само время. Как бы невероятно это ни звучало, теперь у него был зять, который также потерял свою магию, и это само по себе было чудом. Предположительно, душевная связь могла образоваться только между двумя магами, и хотя в этих двоих не было никакой магии, они все равно были связаны! Можно было только заключить, что связь сложилась до того, как они потеряли свою магию, и самоотверженная жертва Гермионы ради любимого человека была щедро вознаграждена созданием связи, более сильной, чем сам брак. Теперь Гарри и Гермиона были необъяснимо связаны на всю оставшуюся жизнь как родственные души, как муж и жена.

Родители Грейнджер почти обрадовались, узнав, что их дочь жива, и все благодаря их зятю? Потеря магии почти в каждом случае приводила к смерти человека, но эта связь каким-то образом защищала их обоих. И Дэн, и Эмма считали свою дочь драгоценным подарком, и если мальчик, который угрожал украсть ее, был причиной того, что она жива, кто такой Дэн, чтобы отказывать им в этом счастье?

До настоящего времени они могли видеть только новизну волшебного мира, но теперь, столкнувшись с суровой реальностью опасностей, от которых Дэн и Эмма, как родители, ничего не могли сделать, чтобы защитить свою дочь, Дэн решил испытать облегчение, что теперь он может убедиться, что Гермиона в порядке. защищен. Он знал, что с его стороны было эгоистично радоваться потере магии дочери, но его всегда беспокоило, что он не может позаботиться о безопасности Гермионы, но теперь он сделает все возможное, чтобы она была в безопасности и в то же время счастлива. Дэн был достаточно честен, чтобы признать, что это счастье было неявно связано с молодым человеком, который делил постель с его дочерью.

Две спящие пары проснулись, когда дверь в больничное крыло с грохотом распахнулась, впуслав группу ведьм и волшебников с разными эмоциями на лицах. Помимо нейтрального взгляда на профессора Снейпа, Гарри и Гермиона могли видеть грусть на лицах профессоров Дамблдора, МакГонагалл и Люпина, а один дородный мужчина в котелке, в котором они узнали министра магии Корнелиуса Фаджа, был в восторге. Сопровождавшая его женщина в ярко-розовом кардигане тоже была переполнена счастьем. Всю группу сопровождали еще четыре члена Министерства с мрачными лицами, в которых двое подростков узнали авроров.

Гарри и Гермиона были сбиты с толку, увидев, что не только министерская группа спорит с директором, но и родители Гермионы пытаются вытянуть из взрослых как можно больше информации. Они живо вспомнили случай, когда Гермиона была поражена проклятием «редукто», но прежде чем они успели даже осмелиться задать вопрос, их отвлекло отчаяние в голосе профессора Дамблдора: «Корнелиус, я умоляю вас. Не исключайте этих прекрасных молодых людей из наше общество. Разве вы не помните жертву Поттеров ради безопасности волшебного мира?» — умолял директор министра магии.

Однако именно женщина в розовом кардигане ответила с едва сдерживаемой враждебностью к двум Поттерам: «Никто не оспаривает влияние или жертвы Джеймса и Лили Поттер, директора школы. Вы должны помнить, что закон гласит, что те, кто не имеет магии, должны быть забыты все знания о волшебном мире». Для случайного наблюдателя слова женщины показали бы строгое соблюдение закона, но нескрываемое ликование по поводу перспективы выгнать любого, кто имеет большее влияние, чем министр, а также плохо завуалированное пренебрежение к маггловским родителям Гермионы противоречили искренности.

Обычно министр магии не осмелился бы пойти против воли более могущественного Дамблдора, но в первую очередь он был политиком. Возвращение Гарри Поттера в волшебный мир после почти десятилетнего перерыва вызвало сдвиг в общественном мнении. Несмотря на то, что его местонахождение было в значительной степени неизвестно, сочувствие к его судьбе сделало «Мальчика-Который-Выжил» гораздо более популярным, чем даже министр магии, а в некоторых случаях даже главный маг.

Несмотря на то, что было совершенно очевидно, что мальчик никогда не жаждал популярности, не было недостатка в поклонниках, особенно среди молодых ведьм. На самом деле его раскаяние сделало его более приятным для публики. Невероятная популярность Гарри Поттера-подростка могла только расти с его возрастом, и Фадж осознавал большую опасность для его политической карьеры, которую представлял любой, кого поддерживал Гарри Поттер или сам Поттер. Вдобавок к этому недовольство публики из-за недавнего фиаско с побегом Сириуса Блэка и неприятностей, вызванных размещением дементоров вокруг школы, сделало его положение шатким. Даже самые популярные отделы Министерства, такие как DMLE и unspeakables, открыто выступали против сокращения его бюджета. Хотя они и не могли протестовать против таких шагов,

Фадж получил отличный подарок в виде Гарри Поттера без магии, и это была возможность для него устранить серьезную угрозу его положению. Он был достаточно простодушен, чтобы не думать о разветвлениях свободного пожирателя смерти, который вызвал инцидент, который привел к нынешнему затруднительному положению. На самом деле Фадж никогда не верил, что Питер Петтигрю действительно жив, несмотря на завещания профессоров МакГонагалл и Люпина.

Его старший заместитель мадам Амбридж сразу же указала, что профессор МакГонагалл была сбита с толку оборотнем Люпином и поэтому ненадежна как свидетель. Это также оказало давление на Дамблдора из-за того, что он нанял такое существо для обучения детей, и все это дало ему необходимый импульс, чтобы поставить под сомнение сохранение Дамблдора во власти внутри школы. С помощью мадам Амбридж уже готовились планы по захвату власти внутри школы. Только расписание турнира Трех Волшебников на следующий учебный год помешало ему предпринять шаги по удалению Дамблдора. Несмотря на препятствия, Фадж был уверен, что сохранит свою позицию, и был полон решимости осуществить свой план.

Суть разговора наконец проникла в затуманенные от истощения мозги Гарри и Гермионы, и они ужаснулись. Они могли чувствовать беспокойство друг друга, как если бы оно было их собственным, но при жизни они не могли понять, как можно чувствовать эмоции другого. Но пока по обоюдному согласию решили отложить его на задний план. Были и более важные соображения, например тот факт, что они потеряли свою магию и будут забыты. Гермиона была в ужасе не из-за того, что у нее не было магии, а из-за того, что она будет вынуждена забыть Гарри, мальчика, который так много для нее значил и который стал единственной причиной ее существования в этом мире. .

Прежде чем спор между Дамблдором и Фаджем успел обостриться или Гарри или Гермиона успели возразить, шум у входа в больничное крыло отвлек всеобщее внимание. От розововолосой девушки в мантии аврора пыталась убежать огромная черная собака, значительно похожая на гримасу. Женщину больше забавляли попытки собаки проникнуть внутрь, чем злить, и это постепенно начало превращаться в игру, а не во что-то серьезное.

Игра была прервана, когда профессор Люпин протянул руку и крикнул: «Нюхает!» — воскликнул он. — Давай, мальчик, познакомься с Гарри.

Все в комнате повернулись к профессору, который смеялся над выходками собаки, пытаясь отмыть лицо от собачьей слюни, и в то же время пытаясь сдержать собственное возбуждение от встречи со старым другом.

Обрадовавшись развлечению, профессор Дамблдор повернулся к профессору DADA, который был старым студентом, а также новым другом. «Римус, я не знал, что у тебя в каюте есть собака», — спросил он с огоньком в глазах.

Профессор Люпин немного испугался вопроса, но ловко уклонился от него. «Снаффлс не принадлежит моему директору. На самом деле он никому не принадлежит». лицо. Если бы кто-нибудь мог заглянуть в мысли собаки, то увидел бы смятение, опасение, неверие и, наконец, немного надежды, надежды, что все будет хорошо.

Профессор DADA оглянулся на директора, но на этот раз он посмотрел ему в глаза, продолжая говорить: «Снаффлз был любимцем Гарри, когда он был еще щенком. На самом деле он был скорее членом семьи, чем домашним животным». Значение слова «семья» не ускользнуло от внимания всех, кто слышал Люпина, но только профессора Дамблдор и МакГонагалл могли понять его значение. На их лицах было замешательство, но почти так же быстро оно прояснилось, чтобы смениться узнаванием. Директор бросил взвешенный взгляд на

напрягшуюся собаку.

Пес действительно выглядел так, как будто был готов к бегству, но сразу же успокоился словами директора: «Ну, тогда я считаю, что будет лучше, если он останется с Гарри и мисс Грейнджер». Обычная жизнерадостность директора исчезла, но он все же смог вызвать улыбку на лице Гарри.

После этого разговора Снаффлс неуверенно подошел к Гарри и сел на корточки перед ним. Гарри потер рукой морду и шею пса: «Привет, Снаффлс, я должен признать, что не помню тебя, но если бы мои родители считали тебя семьей, то я бы тоже считал тебя семьей».

Профессор Люпин нежно улыбнулся этому разговору и вставил: «Ты был слишком молод, чтобы помнить его, Гарри». Он получил благодарную улыбку от черноволосого юноши; Люпин также был благодарен за возможность воссоединиться не только со своим лучшим другом Сириусом, но и с сыном другого своего лучшего друга Джеймса Поттера. Это чувство благодарности сменилось грустью из-за перспективы потерять Гарри не только из волшебного мира, но и во всех смыслах, если министр осуществит свой план.

Как только эта мысль пришла в голову Люпину, министр снова взорвался: «Все это хорошо, но закон ясен, те, кто не имеет в себе магии или не имеет прямого отношения к тем, кто обладает магией, не могут знать о волшебном мире». ... У этих четверых определенно нет причин находиться в волшебном мире».

Фадж знал, что, если его оставить дольше, Дамблдор, вероятно, попытается изменить мнение даже самого упрямого мула, и министр не мог позволить ему сделать это. Поэтому он сразу же повернулся к монокле с головой DMLE: «... разве я не прав, мадам Боунс?»

Под пристальным вниманием мадам Боунс не могла ничего сделать, кроме как поддержать точку зрения министра. Было сурово, что спасительница волшебного мира будет выброшена как бесполезный кусок хлама после огромного вклада в мирное общество, но почтенная женщина не могла даже протестовать против этого решения. На этот раз министр был абсолютно прав и поступал правильно, даже если это не было гуманно.

Дамблдор наблюдал за всем происходящим не только с покорностью; он не мог отрицать, что чувствовал чувство утраты и необъяснимое чувство облегчения. Это можно было истолковать как бессердечие престарелого волшебника, но Дамблдор действительно испытывал чувство восторга от того, что две юные души не окажутся в опасности, как это было в течение двух лет, проведенных в Хогвартсе. Чувство облегчения усилилось от осознания того, что Гарри не придется встречаться с Волдемортом в финальной битве, как было предсказано. Что касается Дамблдора, пророчество, связавшее Гарри и Волан-де-Морта, исполнилось, когда часть души молодого волшебника была насильственно выброшена, когда он потерял свое магическое ядро. Если потеря магии была необходима Гарри, чтобы обрести покой, в котором ему было отказано в его юной жизни, то так тому и быть.

В то же время Дамблдор не мог отрицать непреодолимое чувство утраты от перспективы

потерять двух невероятно одаренных и могущественных подростков из волшебного мира. Он всегда надеялся, что следующий Поттер оставит след в их обществе, как и его родители, но, к сожалению, этого не произошло. Больше всего его огорчила судьба двух подростков, которые сформировали душевную связь; Дамблдор был достаточно уверен, что душевная связь и связь между ними переживут попытки забыть их двоих. Было известно, что такая могущественная магия превосходит все усилия смертных, чтобы вызвать разрыв между двумя людьми, столь неотвратимо связанными, но опять же, это была единственная в своем роде ситуация, и прецедента быть не могло.

Видя, что никто другой не может возразить от их имени, а также осознавая бесперспективность такого возражения, Гарри и Гермиона в конце концов вынуждены были смириться с неизбежным событием. Смирившись со своей судьбой, двое подростков окинули взглядом больничное крыло. Эмоции, которые они видели на лицах окружающих, придавали им сил; люди, которые имели для них наибольшее значение, выглядели так, словно вели внутреннюю битву, которую они определенно проигрывали. Дамблдор выглядел сожалеющим, хотя он был очень влиятельным политически волшебником, его положение ведущей фигуры как на национальной, так и на международной арене означало, что он должен был следовать закону независимо от последствий. Профессора МакГонагалл и Люпин вместе с мадам Помфри выглядели почти готовыми расплакаться, в то время как у профессора Снейпа на этот раз не было усмешки на лице.

Гарри также заметил, что у команды авроров и особенно у розововолосой женщины было сочувственное выражение лиц. Они остро чувствовали несправедливость ситуации, но в то же время были связаны правилами и положениями, которые регулировали их положение. В отличие от четырех сотрудников правоохранительных органов, двое других чиновников министерства были явно воодушевлены перспективой избавиться от Гарри Поттера и скромной магглорожденной ведьмы из своего общества. Гарри чувствовал, как растет его гнев на министра и его прихвостня, но в то же время он также знал, что ничего не может сделать, чтобы избежать судьбы, в которой он оказался. душераздирающие.

Однако размышления Гарри были прерваны, когда Гермиона бросилась к нему и сжала руки в медвежьих объятиях. Слезы текли по ее щекам, Гермиона умоляла своего дорогого друга: «Я не могу потерять тебя, Гарри. Ты был моим первым и лучшим другом, теперь я не могу представить свою жизнь без тебя. школа.»

Ее мучительных криков было достаточно, чтобы растрогать родителей, Эмма тут же встала со стула, на котором сидела, и обняла Гермиону за плечи. Она была вынуждена сделать это с другой стороны, так как Гарри все еще прижимал к себе Гермиону. Хотя Дэнну было неприятно видеть, как мальчик становится центром мира его дочери, он ничего не мог сделать, чтобы разлучить их. Слова Гермионы поразили его силой; ее признание о тяжелой жизни, которую она прожила в школе до Хогвартса, когда она была маленькой девочкой, заставило его стыдиться. «Как он мог не видеть, что его маленькая девочка страдает?» Дэн пообещал себе, что сделает все, чтобы она была счастлива и в безопасности, и если это означало сделать шаг назад и позволить мальчику, нет, молодому человеку утешить ее, то так тому и быть. Дэн подошел к Гарри и обнял обнимающуюся группу, включая его жену, дочь и его нового зятя; он находил утешение для себя столько, сколько предлагал.

Гарри нежно поцеловал Гермиону и, отойдя немного назад, поймал ее взгляд своим взглядом,

вложив в глаза всю уверенность, какую только мог, он обратился к своей возлюбленной: - Никакая сила на этой земле не может разлучить тебя со мной, Гермиона, не бойся. Все еще держа руку на ее плече и притягивая Гермиону ближе к себе, Гарри повернулся лицом к ведьмам и волшебникам, которые судили их. Бросив на них вызывающий взгляд, прорычал: «Делайте все возможное».

Темнокожий аврор, которого называли Шеклболтом, вышел вперед, с сожалением поднял палочку и со вздохом пропел: « Обливизйт ».

<http://tl.rulate.ru/book/74868/2106218>